

Зими́на Т.
(Россия)

Троица в псковской области (по материалам экспедиций 1995–1996 гг.)

Троицко-семицкий обрядовый комплекс — один из важнейших в весенней обрядности; он включает несколько сложных по составу ритуалов разнопланового характера, в основе которых лежат растительный (вегетативный) культ, культ умерших, идея плодородия и др. В русских локальных традициях соотношение различных составляющих этого цикла варьирует, в результате чего приходящиеся на этот период обряды и ритуальные действия, на первый взгляд, кажутся мало связанными между собой, а также с другими весенними обрядами. Тем не менее, фиксация и изучение их имеет большое значение для интерпретации, сопоставления, выделения структурных элементов троицко-семицкого комплекса, что в дальнейшем позволяет обратиться и к восстановлению архаичных представлений — отдельных звеньев древнего ритуала весенней обрядности. Это убедительно показал ряд исследований¹.

Во время полевых работ 1995 – 1996 годов были обследованы деревни Дубровинской и Митрофаньевской сельских администраций Порховского р-на и Плессненской и Первомайской сельских администраций Гдовского р-на Псковской обл. По сведениям Соколовой В.К., Псковская область не входит в зону, где троицко-семицкий обрядовый комплекс встречается в наиболее полном виде. Материалы экспедиций² позволяют рассмотреть один из вариантов Троицкой обрядности, в основе которой наиболее четко вырисовываются два элемента: 1) расти-

тельный культ, 2) почитание умерших. В данной работе мы рассмотрим поминальный комплекс Троицкого обряда, вобравший в себя и растительный культ.

Опросы показали, что у современных жителей Псковщины воспоминания о Троице связаны, прежде всего, с обычаем поминовения умерших, который является непременной частью праздника Святой Троицы и по сей день. Троицкое поминовение представляется как ритуальное общение живых и умерших родственников, которое происходит в определенное время, в определенном месте, сопровождается определенными действиями; для него характерна особая символика и атрибутика. Псковские жители четко осознают объект поминания, для обозначения которого используются термины: «родители», «умершие», «усопшие», «покойники»; к ним причисляют всех умерших, вне зависимости от их возраста.

Празднование Троицы в псковских деревнях длилось три дня. Троицкое поминовение наши информанты связывают, прежде всего, с посещением кладбища, которое происходило обычно в воскресенье, а в Первомайской сельской администрации — в субботу; в местной традиции за этим днем закрепилось название «троицкой субботки». В обоих случаях накануне также обязательно ходили на кладбище убрать могилы — «приготовиться». При этом поминавшие в воскресенье считали субботу не менее важным днем в данном

© Зими́на Т., 1999.

праздничном цикле; в некоторых случаях зафиксировано название «родительской субботы». В эти дни, по словам крестьян, «родители ждут живых в гости».

Центральным ритуальным действием троицкого поминовения является «обделывание могил», или «опахивание могил». Этот обычай упоминается в литературе и архивных документах XIX века³ и заключается в следующем. Пришедшие на кладбище обметали могилы родных березовыми веточками, а затем втыкали их в землю. Крестьяне верили, что «душеньки их (умерших) будут радоваться». В современной деревне этот обряд не претерпел никаких изменений: так же «опахивают» («упахивают») могилы березовыми ветками или троицкими цветами и так же втыкают их в могильную землю. По мнению части информантов, эти действия носят чисто утилитарный характер («чтобы подмести сор»⁴); однако сообщения других местных жителей позволяют говорить о сохранении архаичных представлений в осмыслении данного обряда. Так, одни делают это, чтобы «помянуть родителей»⁵, а другие таким образом «мертвым глаза открывают»⁶, «глаза опахивают [умершим], чтобы видели»⁷. Березовые ветки и троицкие цветы втыкают в подножье креста с той же целью: «Чтобы родители чувствовали, видели, что к ним пришли»⁸.

«Опахивание» могил непременно сопровождалось ритуальной трапезой, основными блюдами которой были (и остаются сейчас) яйца, окрашенные в зеленый цвет молодыми листьями березы, кутья из риса, лепешки или печенье, а также водка и «закуска» (конфеты и печенье). После «опахивания» приготавливали еду «для умерших», приглашали их к трапезе и ели сами. Это вкушение пищи на кладбище осмыслялось как совместная трапеза живых и мертвых.

Для умерших крошили яйца, ломали хлеб руками, сыпали зерно. Эту еду по-

мещали в определенные места: на перекрестье или в подножие креста, на могильную землю в форме креста; в подножие креста ставили рюмку водки. Приглашение родителей к трапезе осуществляется посредством словесной формулы: «Приди [имя] и поешь»⁹. Как знак приглашения покойника к трапезе можно рассматривать расстилание скатерти на могиле и раскладывание еды для него особым образом. Сама трапеза, по словам информантов, объединяла умерших и живых: «Мы тут вместе с ним выпьем, закусим, поплачем и пойдем»¹⁰.

Одним из необходимых ритуальных действий, производимых на кладбище, был обычай держания за могильный крест. Крестьяне считали, что подержаться за крест нужно для того, чтобы «родители почувствовали, что ты был на могилке»¹¹.

Существовали запреты на определенные действия. «Ножом еду не резали. Еду ломали, ножом нельзя было резать. Весь родительский день нельзя было резать..., ни только на кладбище, но и дома. Дома ножом еду не резали, потому что так делали на кладбище. Там покойники лежат, у них нет никакого прибора, вот и живым нельзя резать ножом»¹².

Из вышесказанного видно, что на могильный крест и березовые ветки имеют определенное значение, они являются той нитью, которая связывает мир умерших и живых. Так, по поверию крестьян, «крест стоит в ногах, покойник заберется за крест и поднимется»¹³, таким образом можно объяснить местоположение еды: в подножие креста.

Еду на могилах оставляют для того, чтобы «покойники поели» или чтобы «птички поклевали, покойников помянули»¹⁴. Архаичное представление о птицах как посредниках между мирами живых и мертвых нашло отражение в поверьях о том, что «усопшие, добрая их половина, превратятся, может быть, в птиц»¹⁵; «птицы — это мертвые души; когда

птица ест и пьет, то это ест и пьет покойник»¹⁶.

Местные крестьяне объясняют и традицию собирания еды с могил нищими, указывая на их посреднические функции: «Покойник – то еду не съест, а крупу птички склюют, остальное побирухи унесут. Они подберут, будут кушать и поминать. Это хорошо»¹⁷.

Необходимость посещения церкви для поминовения умерших перед хождением на могилы признается далеко не всеми псковичами, что, возможно, объясняется отсутствием церквей на деревенских кладбищах в обследованном районе. Информанты помнят, что церковь внутри и снаружи украшалась срубленными березами и березовыми ветками. Но в последние десятилетия даже освящение березовых веток и троицких яиц считается необязательным, так как, по мнению местных жителей, свои ритуальные функции и магические свойства они сохраняют и без освящения.

Троицкое поминовение продолжается и после прихода с кладбища, уже дома.

Троицкая зелень – березы и березовые ветки, украшавшие в течение недели улицы деревень и дома, – по представлениям крестьян, имела связь с душами умерших. Срубленные в лесу березы ставили вокруг домов, около колодцев, с двух сторон оконных проемов, крыльца, калитки (варианты – с одной стороны, от 1 до 3 берез), высаживали ими тропинки от калитки к крыльцу. Крестьяне считали, «что на березу прилетит кукушка, а кукушка – это почти то же, что родители»¹⁸, «у березок родители стоят», «к березе ставили ковшичек воды, чтобы родители мылись»¹⁹. Таким образом, не

только живые посещали умерших, но и предки приходили к своим потомкам, а местом их присутствия в период празднования Троицы, по традиционным представлениям, была береза. «Родители» могли прийти на землю именно благодаря березам, посаженным у дома, хотя и птицы являются носителями их душ. Но в данном случае местные жители ассоциируют кукушку с умершими только в комплексе с березой (так же, как и на кладбище, крест выступает в качестве дороги, связывающей два мира, после обряда опахивания, включающего «торканье» березовых веток в его подножье). Представление о кукушке как о душе умершего, сидящей на березе, особенно интересно: оно может являться отголоском обряда «крещение кукушки», распространенного в южных районах России.

Во время празднования Троицы умершие посещают и дома своих родственников. По словам информантов, дорогу им указывают березы, стоящие у крыльца (калитки, окна): «зайти в дом умершие могут только, если с двух сторон крыльца стоят березы»²⁰. Приглашая родителей в дом, украшенный березовыми веточками и внутри, готовят поминальные блюда, а также вывешивают («выбрасывают») полотенце на стену дома, на открытое окно, на дверь, считая, что это «дорожка для покойников, по ней они идут в дом»²¹.

Приведенные выше материалы полевых исследований по Троицкой обрядности в Псковской области показывают сохранение в достаточно полной форме обрядового комплекса почитания умерших, а также некоторых архаичных представлений, связанных с ним.

¹ Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М., 1995; Пропт В.Я. Русские аграрные праздники. – М., 1995; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев, белорусов. – М., 1979; Бернштам Т.А.

Обряд «крещения и похороны кукушки» // Материальная культура и мифология // Сб. МАЭ. – Вып. 37. – Л., 1981. – С. 196–203; Виноградова Л.Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор. – М., 1986; Денисова И.М. Во-

просы изучения культа священного дерева у русских. — М., 1991. — С. 106–185.

² АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 86 – 87; Материалы экспедиций 1995 – 96 гг. кафедры этнографии и антропологии исторического факультета СПбГУ (далее: МЭ).

³ *Невский А.А.* Будни и праздники старой России. — Л., 1990. — С. 47; АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1404. Л. 35.

⁴ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 86. Л. 99.

⁵ Там же. — Л. 99.

⁶ Там же. — Л. 102.

⁷ МЭ. Дневник Пискулина А. Тетрадь № 2. Л. 17.

⁸ Там же. — Л. 26.

⁹ Там же. — Л. 27.

¹⁰ Там же. — Л. 17.

¹¹ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 90. Л. 92.

¹² МЭ. Дневник Пискулина А. Тетрадь № 2. Л. 38.

¹³ Там же. Л. 17.

¹⁴ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 90. Л. 27.

¹⁵ АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 87. Л. 64 об.

¹⁶ МЭ. Дневник Пискулина ... Л. 17.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ МЭ. Дневник Пискулина А. Тетрадь № 1. Л.

70.

¹⁹ Там же. Л. 27.

²⁰ Там же. Л. 71.

²¹ Там же.